

TO THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION
OF ASSESSMENT CHARACTERISTICS
IN RUSSIAN-ENGLISH TRANSLATION
(ON THE BASIS OF MATERIALS OF THE
STORY “THE EMPTY CASE”
BY A.P. CHEKHOV)

L. Mirzoyeva, Doctor of Philology, Associate Professor
Suleyman Demirel University, Kazakhstan

The article deals with some cases of translation inaccuracy. Our research is based on comparative analysis of Chekhov's story “A trivial incident” and its English version.

Keywords: evaluative characteristics of the text, literary translation, trans-coding, emotiveness.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

К ПРОБЛЕМЕ ВОССОЗДАНИЯ
ОЦЕНОЧНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА
А.П. ЧЕХОВА «ПУСТОЙ СЛУЧАЙ»)

Мирзоева Л.Ю., д-р филол. наук, доцент
Университет им. Сулеймана Демиреля, Казахстан

В статье на материале сопоставительного анализа рассказа А.П. Чехова «Пустой случай» и его перевода на английский язык выявляются проблемы, связанные с воссозданием оценочного плана текста в переводе.

Ключевые слова: оценочный колорит текста, художественный перевод, транскодирование, эмотивность.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i8.957>

Воссоздание оценочного колорита художественного текста является одной из наиболее острых переводческих проблем. Как отмечают М.П. Брандес и В.И.Провоторов, «переводчик имеет дело с языком текста не как конгломератом отдельных языковых элементов, а с целостным образом языка текста, и отдельные языковые трудности он должен решать в рамках конкретного текста» [1, с. 3]. Художественный перевод представляет собой сложный процесс, в ходе которого «в качестве языкового посредника переводчик может осуществлять не только перевод, но и различные виды адаптивного транскодирования. Адаптивное транскодирование - это вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межязыковой коммуникации»[2].

Рассмотрим данную проблему на материале воссоздания в переводе на английский язык одной из чеховских миниатюр Рассказ был переведен Констанс Гарнет, которая считается одним из лучших переводчиков произведений А.П. Чехова. Однако, как и всегда, когда речь заходит о качестве перевода, «бывает, что доводы против или в защиту того или иного перевод-

ческого решения или подхода отвергаются по той причине, что перевод даёт лишь одну из возможных интерпретаций, а значит, любой подход в равной мере и хорош и плох»[3].

По В.С. Виноградову, «следует решительно подчеркнуть, что главное в любом переводе – это передача смысловой информации текста. Все остальные её виды и характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стилевые, социологические и т. п. не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как всё остальное содержание компонентов сообщения наслаивается на смысловую информацию, извлекается из неё, подсказывается ею, трансформируется в образные ассоциации и т. п.» [4, с. 20]. Именно передачей смысловой информации, на наш взгляд, характеризуется перевод Констанс Гарнет, отличающийся стремлением к точному воссозданию деталей текста. В то же время, однако, трудно согласиться с В.С. Виноградовым, считающим второстепенным фактором передачу эмоциональных и стилистических характеристик текста: ведь они неотделимы от смысловых. И зачастую переводчик терпит неудачу именно здесь, т.к. передача сложнейших эмоциональных состояний героев, а также оттенков авторского мировидения и деталей авторской оценки - дело гораздо более сложное, чем передача содержательно-фактуальной информации [5]. Там, где мы имеем

дело с содержательно-концептуальной информацией, и в особенности – с содержательно-подтекстуальной информацией, воссоздания «смысловой информации» явно недостаточно. Так, например, в переводе рассказ носит название *A trivial incident*. Но точно ли воссоздан эмотивный потенциал заглавия *Пустой случай?* Тем более, что движение сюжета самого рассказа полностью противоречит значению «тщетный, бесполезный, дармовой, неудачный, напрасный. Пустая попытка, пустые издержки, пустая трата, пустая надежда. | Вздорный, ничтожный, ничего не значащий. Это пустое дело. Пустые отговорки, пустые околичности, лишние, не нужные», которое отражено в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля (далее – словарь В.И. Даля). Скрытое эмоциональное напряжение, завуалированное данным названием (для главного героя рассказа, человека порядочного и честного, любовь, на которую он не смог ответить, и тем более - для героини, которая испытывала это чувство, отнюдь не является *пустой* и тем более – *банальной*, а именно таково значение слова *trivial*): *trivial* 1) банальный, обычный, тривиальный *the trivial round* – обыденщина, рутинная *trivial loss* – незначительная потеря Syn: *everyday*, *ordinary* 2) незначительный, мелкий, ничтожный.

Аналогичны выявленные нами случаи, связанные с характеристиками главных героев рассказа. Так,

Сергей Иванович Шабельский охарактеризован следующим образом:

He was a man of Oriental type, not very intelligent, but straightforward and honest, not a bully, not a fop, and not a rake-virtues which, in the eyes of the general public, are equivalent to a certificate of being a nonentity and a poor creature.

Человек он недалекий, восточно-го пошиба, но честный и прямой, не бретер, не фат и не кутила — достоинства, дающие в глазах публики диплом на бесцветность и мизерность.

Переводчик использовал соответствия *бретер* - *bully* I 1. 1) задира, забияка Syn: tease, troublemaker 2) хулиган, драчун. A gang of bullies was secretly sent to slit the nose of the offender. — Тайком была отправлена шайка хулиганов, чтобы они расквасили нос обидчику. 3) сутенёр. Таких значений это заимствование из французского языка в русском языке не имеет: в соответствии с дефиницией, представленной в Словаре В.И. Даля, **бретер** - *муж.*, *франц.* кто ищет случая придраться, для вызова на поединок, кто наискивается на вызов, дуэлист, задира, задора, забияка, драчун. Невозможно говорить о точном воссоздании оценочных смыслов и в характеристике восприятия героя его окружением:

People generally did not like him (he was never spoken of in the district, except as "the illustrious duffer").

Публике он не нравился (в уезде иначе не называли его, как «сиятельным балбесом»)

Так, неравнозначны *People* и *публика* (в русском слове заложен оттенок пренебрежения; ведь мнением публики можно и пренебречь); *балбес* и *duffer*; *illustrious* и *сиятельный*. Ср.: *illustrious* - знаменитый; известный, прославленный, в то время как «сиятельный» - всего лишь положение в обществе, родовитость, никак не влияющая на известность и не придающая славы; *duffer* 1) неловкий, нескладный человек (обычно об игроке в гольф); глупец, дурак *duffer's fortnight*

— двухнедельный период, когда можно легко поймать форель; I was always a duffer at dancing. — Я всегда был неуклюж в танцах. *Балбес* же, в соответствии с дефинициями Словаря В.И. Даля, - болван, рослый, неуклюжий невежа. Балбесничать – шататься без дела, дурить. Сема «неуклюжий», как это видно из приведенной дефиниции, отнюдь не является ядерной.

Значение физической тяжести вместо русской ФЕ *тяжел на подъем* появляется в авторской характеристике:

For love affairs he was too heavy, spiritless, and cold, and so rarely got on with women. . . .

Для романов он был тяжел, вял и холоден, а потому редко сходилась с женщинами...

На наш взгляд, гораздо более точным было бы использование английской ФЕ *heavy in hand* (*heavy in* (или *on*) *hand*) - скучный, нудный; тяжёлый на подъём, вялый, медлительный [о норовистой лошади]; не совсем точно и *spiritless* - безжизненный, бездыханный; вялый, тогда как в английском языке представлен целый ряд эмоционально более близких синонимов к русскому *вялый*: *sluggish*, *languid*, *listless*, *slack*, *inert*.

В то же время как несомненные переводческие находки в воссоздании эмотивно-оценочного потенциала текста можно расценивать употребление в переводе слов *nonentity* 1) ничтожество, "пустое место" (о человеке); *fop* фат, хлыщ, щёголь. Syn: *dandy*, *dude*; *fop* - a man who is excessively concerned with fashion and elegance.

Как утверждает С.Г. Тер-Минасова, «путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания. Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно (образом жизни, обычаями, традициями и т. п., то есть всем тем, что определяется словом *культура* в его широком, этнографическом смысле), так и индивидуально (специфическим воспри-

ятием мира, свойственным данному конкретному индивидууму), то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. ... Таким образом, **язык, мышление и культура** взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с **реальным миром**, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его» [6, с.44]. Оба барьера, на наш взгляд, нашли отражение в анализируемом материале и обусловили тот комплекс переводческих проблем, о котором уже говорилось выше.

С проблемой иного рода, когда грамматическая специфика языка-рецептора не дает возможности воссоздать весь спектр коннотативных оценочных значений, мы сталкиваемся при воссоздании диминутивных (уменьшительно-ласкательных) образований. Так, слово *князек* со скрытым в данной форме оттенком пренебрежительности не может быть точно воссоздано в английском переводе; *prince* – только обозначение титула, но никак не отношения. Семантика слова *захудалый*, однако, с достаточной степенью точности передана при помощи выделенной идиомы **had come down in the world**; однако и это – лишь констатация факта разорения, не передающая оценочной семы «пренебрежительность»:

It was a sunny August midday as, in company with a Russian prince who had come down in the world, I drove into the immense so-called Shabelsky pine-forest where we were intending to look for woodcocks.

Был солнечный августовский полдень, когда я с одним русским захудалым князьком подъехал к громадному, так называемому Шабельскому бору, где мы намеревались поискать рябчиков.

To come down in the world (come (или go) down in the world) измениться к худшему; опуститься, утратить

былое положение, скатиться вниз; захиреть, обветшать. Таким образом, английский эквивалент дает нам понятие о *процессе*, но ничего не говорит о *негативной оценке*, заложенной в слове *захудалый*.

Пренебрежительность, скрытая в диминутивном образовании, осталась вне поля зрения переводчика (и, следовательно, англоязычного читателя) и в следующем фрагменте:

The stranger held in one hand a basket of mushrooms, with the other he playfully fingered a cheap watch-chain on his waistcoat.

В одной руке незнакомца была корзинка с грибами, другою он игриво теребил дешевенькую цепочку на жилетке.

Крайне редко предметом внимания исследователей становятся своеобразные лексические единицы, которые образованы от заимствованных основ, несущих в себе оценочный заряд. Так, в анализируемом нами тексте встречаем слово *комильфотный*:

He gave to all who asked, and not so much from good nature or confidence in people as from exaggerated gentlemanliness as though he would say: "Take it and feel how _comme il faut_ I am!"

Всем просящим он давал и не столько из доброты или доверия к людям, сколько из напускного джентльменства: возьми, мол, и почувствуй мою комильфотность!

Переводчик возвращается к исходной форме заимствованного слова (которое зачастую и в русском языке передается как варваризм, средствами латинской графики, ввиду полной невозможности дать точный эквивалент. Это отсылает нас к первоначальной форме, представленной, например, в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,

Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

Однако, в пушкинском тексте за этим устойчивым выражением закреплена позитивная оценка; совсем иным – негативным – оценочным ореолом надлено слово *комильфотный*, ср.: «Я и сама не знаю, как они меня обморочили, - говорила она, - гимназисты. Красивый молодой человек, казался такой комильфотный.

- Комильфотная дура, - продолжал браниться муж, считая кассу. - Я беру купон, так знаю и вижу, что на нем написано. А ты, я чай, только рожу гимназистов рассматривала на старости лет» (Л.Н. Толстой. Фальшивый купон). Как указывает С.Г. Тер-Минасова, «основным условием коммуникации считается **фоновое знание**, то есть **знание реалий и культуры, которым взаимно обладают говорящий и слушающий**».

Именно такое знание является «мостом», соединяющим культуры и обуславливающим успех воссоздания художественного текста в переводе. В то же время опасности подстерегают переводчика там, где, как это имеет место в проанализированном нами рассказе А.П. Чехова, «вероятно появление оригинальных оборотов, так или иначе выбивающихся из конвенций сочетаемости, и тем более оправданно сохранение эффекта, производимого этими оборотами» [7]. Все, сказанное выше, обуславливает необходимость проникновения в дух художественного текста, а также предполагает способность переводчика к сотворчеству в процессе его воссоздания.

References:

1. М.П. Brandes, Provotorov V.I. *Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков)* [Pre-analysis of translation of the text (for institutes and departments of foreign languages)]: Ucheb posobie [Tutorial]. – 3d ed., stereotip. - Moskva., NVI-TEZAURUS, 2001.- 224 P.

2. Kazakova T.A. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Available at: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/kazakova.shtml

3. Buzadzhi D.M. *Vektory smysla* [Vectors of meaning]. *Mosty* [Bridges]., No. 3 (19), 2008.

4. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie*. [Introduction into the science of translation] – Moskva., IOSO RAO, 2001.

5. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as the object of linguistic investigation]. – Moskva., KomKniga, 2007. – 148 P.

6. S.G. Ter-Minasova, *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: (Ucheb. posobie)* [Language of the intercultural communications (Tutorial)] - Moskva., Slovo [The Word], 2000. - 624 P.

Литература:

1. Брандес М.П., Провоторов В.И. *Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб пособие. - 3-е изд., стереотип. - М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.- 224с.*

2. Казакова Т.А. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/kazakova.shtml

3. Бузаджи Д.М. *Векторы смысла*. // *Мосты* № 3 (19), 2008.

4. Виноградов В.С. *Введение в переводоведение*. – М.: ИОСО РАО, 2001.

5. Гальперин И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. – М.: КомКнига, 2007. – 148 с.

6. Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие)* – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

Information about author:

Leila Mirzoyeva - Doctor of Philology, Associate Professor, Suleyman Demirel University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: mirzoeva@list.ru